

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

повествующая о том, как Чэнь Гуан-жуя постигло несчастье и как Монах, принесенный рекой, отомстил за совершенное преступление

Надо сказать вам, что город Чанъань в течение многих веков был столицей Китая. Со времен Чжоу, Цинь и Хань эта страна расцветала, словно узоры на парче. Омываемая со всех сторон водой, страна поистине была знаменита.

В тот момент, когда бодисатва прибыла в этот город, на престоле вот уж тринадцатый год восседал император Танской династии Тай-цзун. Он переименовал годы правления на Чжэньгуань. В стране царили мир и спокойствие, со всех концов сюда стекались дань и дары, и все страны выражали готовность признать Тай-цзуна своим повелителем.

И вот однажды, когда перед восседавшим на троне императором собрались высшие гражданские и военные сановники, вперед выступил первый министр государства Вэй-чжэн и обратился к императору с такой речью:

— Сейчас, когда в стране и на ее границах царят мир и спокойствие, разрешите, как это полагается по древнему обычаю, устроить очередной экзамен, дабы отобрать достойных и ученых мужей для управления страной.

— Ваши слова вполне разумны, почтенный сановник! — соизволил ответить на это император; и вслед за тем по всей стране, во всех областях и уездах были расклеены объявления, призывавшие всех, независимо от чина и сословия, явиться в Чанъань и принять участие в экзаменах.

И вот некий Чэнь Э из Хайчжоу, второе имя которого было Гуан-жуй, прочитав объявление, тотчас же вернулся домой и сказал своей матери:

— Император призывает всех талантливых людей из всех провинций принять участие в экзаменах. Я хочу держать эти экзамены. И если мне повезет получить какую-нибудь должность, это даст мне возможность быть достойным сыном своих родителей и помочь семье. Таково мое скромное стремление. Итак, я пришел сообщить тебе о том, что уезжаю.

— Ты человек ученый, сын мой, — промолвила в ответ мать. — Пословица гласит: «Учись пока молод, чтобы применить свои знания, когда станешь взрослым». Поступай так, как решил. Прошу тебя лишь об одном: береги себя в дороге и, как только выдержишь экзамены, возвращайся домой.

Чэнь Гуан-жуй приказал слуге собрать необходимые вещи и, простившись с матерью, поспешил в столицу. Он прибыл в Чанъань как раз к началу экзаменов и отправился в то место, где они происходили. По окончании экзаменов выяснилось, что Чэнь занял первое место, о чем ему была выдана соответствующая грамота, собственноручно подписанная императором. Затем, как того требовал обычай, победителя в течение трех дней возили верхом на коне по

улицам столицы.

И вот однажды, когда процессия поравнялась с воротами дома первого императорского сановника Инь Кай-шаня, дочь его, по имени Вэнь-цяо, или Мань Тань-цяо, сидела в разукрашенной цветами башне и собиралась гадать. Гаданье это состояло в том, что она хотела бросить вниз вышитый мяч, и тот, в кого этот мяч попал бы, должен был стать ее мужем. Когда Чэнь Гуан-жуй проезжал мимо башни, девушка заметила его и сразу же увидела, что человек он необычный, да еще красив и умен. Она догадалась, что это тот человек, который занял первое место на экзаменах, очень обрадовалась и сразу же бросила мяч вниз. Мяч попал прямо в черную парадную шапочку Чэнь Гуан-жуя.

В тот же миг раздались чарующие звуки свирели, и с башни сошла толпа служанок; они взяли под уздцы коня Чэнь Гуан-жуя и повели его во двор сановника, приветствуя молодого ученого как жениха. Навстречу ему из своих покоев вышел сам сановник с супругой; они стали приглашать гостей на свадебную церемонию, которую собирались устроить в честь их дочери и Чэнь Гуан-жуя. После того как жених с невестой поклонились небу и земле, а затем и родителям невесты, сановник приказал устроить свадебный пир. Веселье продолжалось всю ночь. Когда же пир окончился, новобрачные, держа друг друга за руки, удалились в брачные покои.

На рассвете следующего дня, когда Тай-цзун восседал на своем троне в Зале золотых колокольчиков, к нему на утренний прием собрались гражданские и военные сановники.

— На какую должность назначен Чэнь Гуан-жуй, занявший первое место на экзаменах? — спросил император. Тут выступил вперед первый сановник Вэй-чжэн и почтительно доложил:

— В подвластных мне областях и городах есть вакансия начальника округа в Цзянчжоу. Прошу вашего разрешения назначить его на это место.

Тай-цзун не замедлил отдать приказ о назначении Чэнь Гуан-жуя на эту должность и велел ему тотчас же отправляться к месту назначения, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей. Поблагодарив императора за милость, Чэнь Гуан-жуй покинул двор и возвратился в дом своего тестя-сановника. Здесь он собрался с женой в путь и, распростившись с тестем и тещей, отправился к месту своего назначения в Цзянчжоу.

Когда они выехали из Чанъаня, весна была на исходе. Нежный ветерок колыхал зелень ив, а небольшой дождь орошал пестрые цветы. По дороге Чэнь Гуан-жуй заехал к себе домой, чтобы познакомить мать со своей молодой супругой.

— Прими мои поздравления, сын мой, — промолвила мать — Ты должен быть счастлив вдвойне, так как вернулся с молодой женой.

— Благодаря твоему благословию я выдержал экзамены, — отвечал Чэнь Гуан-жуй. — А когда меня как победителя возили по улицам города, я очутился у дома сановника Инь Кай-шаня, тут в меня попал гадательный мяч, и сановник оказал мне честь, выдав за меня замуж

свою дочь. Теперь же я еду к месту своего назначения, в город Цзянчжоу. Император назначил меня на должность начальника округа. А сюда я приехал за тобой — поедem все вместе.

Госпожа Чжан была счастлива, быстро собралась, и они отправились в путь. Через несколько дней путники остановились в гостинице Ваньхуадянь, которую содержал некий Лю Сяо-эр. Здесь госпожа Чжан неожиданно заболела.

— Мне что-то нездоровится, — пожаловалась она сыну. — Отдохнем день-два, а потом поедem дальше.

Чэнь Гуан-жуй согласился. На следующее утро, он увидел у ворот гостиницы рыбака, который продавал золотого карпа. Чэнь купил его за связку монет, намереваясь изжарить рыбу и угостить мать. Но вдруг он заметил, что глаза карпа как-то странно сверкают. Это его изумило. «Говорят, что когда глаза у змеи или у рыбы сверкают, это какое-то волшебное существо», — подумал он.

— Ты где поймал эту рыбу? — спросил он у рыбака.

— На реке Хунцзян, в пятнадцати ли от города, — отвечал тот.

Чэнь Гуан-жуй отправился к реке Хунцзян, пустил рыбу в воду и, возвратившись в гостиницу, рассказал обо всем матери.

Выслушав его, госпожа Чжан сказала:

— Освобождение живых существ — доброе дело. И твой поступок меня очень радует.

— Мы живем здесь уже три дня, — продолжал Чэнь, — истекает назначенный императором срок явки к месту назначения. Я думаю, что завтра следует трогаться в путь. Как ты себя чувствуешь?

— Я еще не совсем здорова, — отвечала мать — А сейчас такая жара, что, боюсь, в дороге мне станет еще хуже. Может быть, ты снимешь для меня комнату, и я пока останусь здесь. Дай мне только немного денег на расходы, а сам с женой поезжай. Я поживу здесь до осени, и когда станет немного прохладнее, ты приедешь за мной.

Чэнь Гуан-жуй посоветовался с Вэнь-цяо, затем снял для матери комнату, оставил ей денег и, распрощавшись, вместе с женой двинулся дальше.

Путь был тяжелый. Выезжали они рано, а отдыхать останавливались только ночью. Вскоре они достигли переправы через реку Хунцзян и увидели двух перевозчиков — Лю Хуна и Ли Бяо, которые на своей лодке подъехали к ним навстречу. Возможно, когда-то в одном из предыдущих перевоплощений Чэнь Гуан-жуй чем-нибудь обидел этих людей, и они стали его

врагами, и вот сейчас ему суждено было попасть в беду. Как только они с женой очутились на пароме и очень удобно там устроились, Лю Хун во все глаза уставился на молодую женщину. А она была поистине писаная красавица. Лицо словно полная луна, глаза — осенние волны, маленький ротик — что плод вишни, тонкая талия — как гибкая ива, в общем вся она была красоты удивительной. И вот перевозчики заду шали недоброе. Пошептавшись, они решили завести лодку в безлюдное место, а глубокой ночью убить сначала слугу Чэня, а потом и его самого, а трупы их бросить в воду. Так они и сделали. Увидев, что муж ее убит, жена решила броситься за ним в воду, но Лю Хун крепко держал ее.

— Если ты будешь слушаться меня, — сказал он ей, — то можешь ни о чем не беспокоиться. Если же станешь сопротивляться, то этим мечом я рассеку тебя надвое.

Жена Чэня не знала, что делать, и ей не оставалось ничего другого, как уступить и полностью подчиниться воле Лю Хуна. А этот разбойник переправил паром на южный берег и передал его в распоряжение Ли Бяю. Сам же он нарядился в одежду Чэнь Гуан-жуя, взял все его документы и вместе с женой Чэня отправился в Цзянчжоу.

Между тем, в то время как выброшенное в воду тело слуги поплыло вниз по реке, тело Чэнь Гуан-жуя опустилось прямо на дно и лежало там неподвижно. И вот, когда дозорный Якша *, обходя реку Хунцзян, увидел это, он опрометью бросился во дворец и доложил только что вззошедшему на трон Царю драконов: — Сегодня какой-то человек убил на реке Хунцзян одного ученого, а тело его бросил в реку.

Царь драконов приказа ал доставить погибшего к нему, а когда труп принесли, он внимательно оглядел его и сказал: — Это мой благодетель, он спас мне жизнь. Как же это его убили? Пословица гласит: «За добро платят добром». Я должен отплатить ему за добро и вернуть ему жизнь.

И царь тут же написал бумагу и отправил Якшу в храм местного бога в Хунчжоу с просьбой отдать душу Чэнь Гуан-жуя и вернуть его к жизни. Бог местного храма призвал к себе подчиненного и велел ему передать душу Чэнь Гуан-жуя Якше. Якша доставил душу в Хрустальный дворец Царя драконов и, представ перед своим повелителем, доложил о выполнении данного ему поручения.

— Как вас зовут, уважаемый ученый? Откуда и зачем вы прибыли сюда и кто вас убил? — спросил царь.

— Зовут меня Чэнь Э, мое второе имя Гуан-жуй, — отвечал тот. — Сам я из уезда Хуннун, области Хайчжоу. Недавно я занял первое место на экзаменах и получил назначение на должность начальника округа Цзянчжоу. Вместе с женой я следовал к месту своего назначения, и вот, когда мы доехали до реки и сели на паром, чтобы переехать на другой берег, один из перевозчиков, по имени Лю Хун, воспылил страстью к моей жене, убил меня, а тело мое бросил в реку. Умоляю вас, великий царь, помочь мне!

— Так вот оно что, — промолвил Царь драконов. — А знаете ли вы, господин ученый, что

золотой карп, которого вы однажды отпустили в реку, не кто иной, как я сам. Так разве могу я вас, моего благодетеля, не выручить из беды?

И он тут же приказал положить труп Чэнь Гуан-жуя в сторону, рот ему заткнуть «жемчужиной», предохраняющей тело от разложения, чтобы впоследствии в него могла вселиться душа и отомстить за себя, а затем сказал:

— А сейчас я хотел бы, чтобы ваша душа служила чиновником в моем дворце.

Чэнь Гуан-жуй почтительно склонился перед Царем драконов и с благодарностью принял его предложение.

По этому случаю Царь драконов устроил роскошный пир, однако распространяться об этом мы не будем.

Жена Чэнь Гуан-жуя продолжала питать глубокую ненависть к разбойнику Лю Хуну. Однако она помнила, что должна стать матерью, и потому, преодолевая свое отвращение, старалась ни в чем не перечить ему. Вскоре они прибыли в Цзянчжоу. Встречать их вышли все чиновники. В областном управлении устроили в честь вновь прибывшего начальника пир, и вот на этом пиру Лю Хун сказал:

— Я прибыл сюда и надеюсь на вашу помощь и поддержку.

— Ваше высокое назначение является достойной наградой за исключительные способности, которыми вы обладаете, — отвечали ему на это чиновники. — В свою очередь и мы выражаем надежду на вашу отеческую доброту к подчиненным, на вашу справедливость и проницательность при решении судебных дел. Поэтому не умаляйте своих достоинств и не считайте наши слова лестью.

Как только пир окончился, все разошлись по домам.

Время летело быстро. И вот однажды, когда Лю Хун уехал по делам службы, жена Чэня сидела в садовой беседке, предаваясь печальным размышлениям о судьбе мужа и его матери. Вдруг она почувствовала какое-то недомогание и резкие боли в животе, затем, лишившись чувств, упала и тут же родила сына. В этот момент какой-то торжественный голос сказал ей на ухо следующие слова:

— Мань Тань-цзяо, внимательно слушай, что я буду говорить тебе. Я — Дух Южной полярной звезды. По велению бодисатвы Гуаньинь я принес тебе сына. Он будет необыкновенным человеком и прославится. Когда разбойник Лю Хун вернется, он постарается погубить ребенка, но ты должна любым способом сохранить его. Твоего мужа спас Царь драконов и придет время, когда вы снова будете все вместе, а ваши обидчики понесут заслуженное наказание. Крепко запомни мои слова, а теперь быстрее просыпайся!

Сказав это, дух исчез, а женщина, очнувшись, крепко запомнила каждое сказанное ей слово и сжала в объятиях ребенка но, что делать дальше, она не знала. Неожиданно возвратился Лю Хун. Увидев ребенка, он тотчас же хотел уничтожить его, но женщина сказала:

— Сегодня уже поздно. Разреши мне завтра самой бросить его в реку.

К счастью, на следующий день Лю Хун снова уехал по какому-то срочному делу.

«Как только вернется этот разбойник, — раздумывала жена Чэня, — он тут же погубит моего ребенка. Уж лучше я сама брошу его в реку, а там будь что будет. Если небо сжадется над ним, какой-нибудь добрый человек спасет и вырастит его. Может быть, когда-нибудь мы и встретимся с сыном...»

Затем она подумала, что, когда сын вырастет, она может не узнать его и, надкусив палец, собственной кровью на листе бумаги написала имена родителей ребенка, подробно изложив всю его историю, а затем сделала надкус на мизинце его левой ноги. После этого она взяла свою рубашку, завернула в нее младенца и, пользуясь тем, что на улице никого не было, с ребенком на руках вышла из дома. К счастью, ямынь находился недалеко от реки. Подойдя к берегу, женщина горько заплакала. И вот в тот момент, когда она хотела бросить ребенка в воду, она увидела доску, которую прибило к берегу. Женщина сотворила молитву, взяла свой шарф, привязала к доске ребенка, положила ему на грудь написанное собственной кровью письмо и оттолкнула доску от берега. После этого, едва сдерживая слезы, она возвратилась домой. Однако говорить об этом мы не будем.

Тем временем доску все несло и несло по течению и наконец прибило к подножию горы, на которой стоял монастырь Цзинь-шаньсы — монастырь Золотой горы. Настоятеля этого монастыря называли Фа-мин — Просвещенный монах. Это был человек необыкновенной святости и высокой добродетели, постигший великую тайну истинного учения. И вот однажды, когда он сидел погружившись в самосозерцание, раздался плач ребенка. Плач этот встревожил настоятеля, и он отправился к реке посмотреть, что случилось. Оказалось, что к берегу прибило доску с привязанным к ней младенцем. Настоятель поспешил вытащить доску на берег и сразу же заметил, что на груди у младенца спрятано письмо, написанное кровью. Из этого письма настоятель узнал всю историю ребенка. Он тут же дал мальчику монашеское имя Цзян-лю, что значит «Принесенный рекой», и отдал его на воспитание крестьянам, а письмо и вещи спрятал в надежное место. Время летело быстро. Дни и месяцы мелькали, словно челнок в ткацком станке, и Цзян-лю незаметно исполнилось восемнадцать лет. Тогда настоятель монастыря постриг его в монахи и дал ему монашеское имя Сюань-цзан. Приняв обет, Сюань-цзан целиком отдался изучению Истины.

И вот однажды, в конце весны, когда монахи в тени под соснами, предавались самосозерцанию, читали священные книги и обсуждали тайны учения Истины, один из них, поставленный доводами Сюань-цзана в тупик, вышел из себя и закричал:

— Ах ты несчастная скотина! Да как ты, человек без роду, без племени, смеешь еще рассуждать!

Не стерпев подобного оскорбления, Сюань-цзан вошел в храм и, встав на колени перед своим учителем, горько заплакал.

— Как известно, все люди состоят из пяти элементов, происходящих от двух начал Инь и Ян и каждый рожден от отца и матери. Как же может быть, чтобы человек не имел родителей?

Он долго умолял учителя сжалиться над ним и открыть ему тайну, кто же его родители. Наконец настоятель промолвил:

— Если ты действительно хочешь узнать, кто твои родители, следуй за мной в мою келью.

Сюань-цзан повиновался. Когда они пришли, настоятель достал ящичек, находившийся далеко за балкой и, открыв его, вынул письмо, написанное кровью, и женскую рубашку. Все это он передал Сюань-цзану. Юноша развернул письмо, прочитал его и лишь теперь узнал, кто его родители и какое зло им причинили. Он разрыдался и, повалившись наземь, восклицал:

— Тот, кто не в силах отомстить за родителей, недостоин называться человеком. Восемнадцать лет я прожил, не ведая, кто мои родители, и лишь сейчас узнал, что у меня есть мать! И если бы не вы, дорогой учитель, вскормивший и воспитавший меня, я так и остался бы в неведении. Разрешите же мне отправиться на поиски моей матери. Торжественно клянусь, что в будущем я восстановлю этот храм, чтобы отблагодарить вас, дорогой учитель, за все ваши милости.

— Ну что же, раз ты решил идти на поиски матери, возьми с собой это письмо и рубашку. Выдавай себя везде за странствующего монаха, а когда придешь в Цзянчжоу, ступай прямо к начальнику округа. Там ты найдешь свою мать.

Сюань-цзан последовал совету учителя, нарядился странствующим монахом и отправился в Цзянчжоу. И вот случилось так, что, когда он прибыл в город, Лю Хун уехал по служебным делам. Казалось, само небо желало, чтобы сын и мать встретились. Подойдя к двери окружного управления, Сюань-цзан попросил подаяния. А надо вам сказать, что его матери в эту ночь приснился удивительный сон. Она видела, как луна, бывшая на ущербе, сделалась снова полной. И тогда она подумала:

«От матери мужа я не имею никаких вестей, мужа убил этот бандит, а своего ребенка я бросила в реку. Если кто-нибудь подобрал и воспитал его, ему теперь должно быть уже восемнадцать лет. Может быть, небо поможет нам еще встретиться, кто знает?..» Она была погружена в глубокое раздумье, когда вдруг услышала, что у ворот их дома кто-то читает молитву и просит подаяние. Женщина тотчас вышла и увидела монаха.

— Ты откуда? — спросила она.

— Я ученик Фа-мина, настоятеля монастыря Цзиньшаньсы, — отвечал тот.

— Ах вот как, ты ученик настоятеля монастыря Цзиньшаньсы, — промолвила женщина, пригласила монаха войти в дом и дала ему постной пищи.

Внимательно приглядевшись к нему, она едва удержалась от того, чтобы не воскликнуть: «Как он похож на моего мужа!..»

Затем, отослав служанку, сказала:

— Ты еще так молод, духовный наставник! Когда же тебя постригли в монахи — в детстве или позднее? Как тебя зовут? Есть ли у тебя родители?

— Я не по своей воле покинул мир, — отвечал Сюань-цзан — Не стану скрывать от вас, я затаил обиду, великую, как само небо, и ненависть, глубокую, словно море! Какой-то злодей убил моего отца, а мать захватил в плен. Мой духовный отец — настоятель монастыря Цзиньшаньсы — велел мне идти в Цзянчжоу, в дом окружного управления и сказал, что здесь я найду свою мать.

— А как же зовут твою мать? — спросила женщина.

— Фамилия ее Инь, а имя — Вэнь-цяо, — отвечал Сюань-цзан. — Фамилия моего отца — Чэнь, а имя — Гуань-жуй. Мое мирское имя Цзян-лю, а духовное — Сюань-цзан.

— Вэнь-цяо — это я, — произнесла женщина. — А есть ли у тебя какие-нибудь доказательства в подтверждение твоих слов? — спросила она.

Тогда Сюань-цзан упал на колени и, громко рыдая, воскликнул: — Если ты не веришь мне, то вот взгляни, — и он передал ей письмо, написанное кровью, и рубашку.

Женщина тотчас узнала эти вещи, и мать с сыном, обняв друг друга, разрыдались. Вдруг она воскликнула:

— Уходи отсюда, сын мой. Уходи скорее!

— До восемнадцати лет я не знал ни отца, ни матери! И вот теперь, когда я наконец нашел тебя, ты гонишь меня!

— Сын мой, уходи отсюда сейчас же! — настаивала она. — Если вернется разбойник Лю Хун и застанет тебя здесь, он убьет тебя! А я притворюсь завтра больной и скажу, что когда-то дала обет подарить монахам сто пар туфель и для того, чтобы выполнить этот обет, я повезу эти туфли в монастырь, и тогда мы с тобой обо всем поговорим.

Сюань-цзан послушался матери и, поклонившись, ушел. Между тем встреча с сыном и

радовала и печалила мать. На следующий день она вдруг сказала, что больная, легла в постель и отказалась пить и есть. А когда вернулся Лю Хун и спросил, что с ней, она ответила:

— Еще в молодости я дала обет пожертвовать монахам сто пар туфель. И вот пять дней тому назад мне приснился монах. В руках он держал острый меч и требовал обещанные туфли. С той ночи я и почувствовала себя больной.

— Ну, это ерунда, — успокоил ее Лю Хун. — Почему ты не сказала раньше?

И он через своих подчиненных отдал приказ, чтобы сто дворов населения Цзянчжоу изготовили по одной паре соломенных туфель и в течение пяти дней доставили их в управление. Когда приказ был выполнен и туфли доставлены, женщина сказала:

— Ну вот, туфли готовы, какой же тут есть поблизости монастырь, куда бы я могла съездить без особых хлопот и выполнить свой обет?

— В области Цзянчжоу есть два монастыря: Цзиньшаньсы и Цзяошаньсы. Поезжай в любой из них, — посоветовал ей Лю Хун.

— Я слышала много хорошего о монастыре Цзиньшаньсы, — сказала женщина, — туда, пожалуй, и поеду.

Лю Хун приказал слугам приготовить лодку, в которую села его жена в сопровождении наиболее преданной ей служанки, и очень скоро лодочник доставил их в монастырь Цзиньшаньсы. Здесь надо сказать, что когда Сюань-цзан вернулся в монастырь, он рассказал своему учителю обо всем, что с ним произошло, и его рассказ доставил большое удовольствие настоятелю.

На следующий день к ним явилась служанка, которая известила их о том, что ее госполо, желая выполнить данный ею обет, направляется в монастырь. Все монахи вышли навстречу гостье. Прибыв в монастырь, женщина поклонилась изображению бодисатвы, устроила торжественную трапезу для монахов, а затем велела служанке сложить носки и туфли и отнести их на подносе в зал. В зале женщина зажгла фимиам, прочитала молитву, а затем попросила настоятеля удалить всех монахов. Как только монахи вышли, Сюань-цзан подошел к матери и опустился перед ней на колени. Мать велела ему снять туфли и носки. На мизинце левой ноги у него до сих пор действительно виднелся след от надкуса. Тогда мать и сын снова обнялись, и мать склонилась перед настоятелем, благодаря его за то, что он сделал доброе дело и воспитал ее сына.

— Сударыня, вы повидались с сыном, а теперь вам следует поскорее вернуться домой, чтобы не вызвать подозрений у злодея и не накликать на себя новой беды, — сказал настоятель.

— Сын мой, — промолвила тогда женщина, — возьми вот эту ладанку и отправляйся в город Хунчжоу, это примерно в тысяче восьмистах ли к северо-востоку отсюда. Там ты найдешь

гостиницу Ваньхуадянь, где когда-то мы оставили мать твоего отца госпожу Чжан. Кроме того, я дам тебе письмо, с которым ты пройдешь в столицу и разыщешь дом сановника Инь Кайшаня, что находится около Золотого дворца. Там живут твои дедушка и бабушка, мои родители. Передай это письмо дедушке и скажи ему, чтобы он подал императору ходатайство. Пусть император пошлет сюда свои войска, которые схватят и казнят этого разбойника. Только тогда твой отец будет отомщен, а я вырвусь из рук этого злодея. Однако сейчас мне нельзя больше задерживаться здесь, чтобы этот злодей чего-нибудь не заподозрил.

После этого женщина села в лодку и отправилась в обратный путь.

А Сюань-цзан в слезах вернулся в монастырь, прошел к настоятелю и, простившись с ним, тотчас же отправился в Хунчжоу. Придя в гостиницу Ваньхуадянь, он обратился к хозяину ЛюСяо-эру с таким вопросом:

— Когда-то у вас в гостинице останавливался начальник округа Цзянчжоу, по имени Чэнь, и оставил здесь свою мать. Как сейчас ее здоровье?

— Некоторое время, — отвечал Лю Сяо-эр, — она действительно жила здесь, в гостинице. Но потом она ослепла и в течение нескольких лет не платила за свою комнату. Сейчас она живет в заброшенной гончарной печи у Южных ворот и собирает милостыню. Не знаю почему, но чиновник, который оставил ее здесь, до сих пор не дает о себе знать.

Выслушав его, Сюань-цзан тотчас же направился к Южным воротам и там очень скоро разыскал бабушку.

— Твой голос так напоминает мне голос моего сына — Чэнь Гуан-жуя, — сказала старуха.

— Нет, я не Чэнь Гуан-жуй, я его сын, — отвечал Сюань-цзан, — а Вэнь-цяо — моя мать.

— Почему же твои родители так долго не приезжали за мной?

— Злодей убил моего отца, а мать насильно сделал своей женой.

— А как же ты нашел меня?

— Мать послала меня разыскать вас и дала мне письмо и ладанку.

Взяв письмо и ладанку, старушка громко разрыдалась.

— Ох, горе какое! — причитала она. — Мой сын был послан на должность за свои заслуги. А я-то еще подумала, что он забыл свой сыновний долг и бросил меня. Откуда же я могла знать, что он погиб от руки злодея! Спасибо, что небо сжалилось надо мной и послало нашему роду

наследника. Теперь хоть внук пришел навестить меня!

— А что у вас с глазами, бабушка?

— Я все время думала о твоём отце и не переставала ждать его. А когда отчаялась, то так горько плакала, что глаза мои перестали видеть.

Тогда Сюань-цзан опустился на колени и стал молиться:

— Мне исполнилось восемнадцать лет, но до сих пор я не мог отомстить за зло, причиненное моим родителям. По велению матери я прибыл сюда, чтобы разыскать бабушку. О небо, внимли моим искренним молитвам и верни зрение моей бабушке!

Окончив молитву, он кончиком языка провел над веками старушки, и в тот же миг глаза ее раскрылись, и она снова стала видеть. — Ты действительно мой внук! — воскликнула она, взглянув на молодого монаха. — Вылитый отец!

Старушка даже не знала, то ли ей радоваться, то ли печалиться. Сюань-цзан повел ее в гостиницу Лю Сяо-эра, снял для нее комнату и оставил деньги на расходы.

— Сейчас я должен уехать примерно на месяц, — сказал он, — а потом вернусь сюда.

И, распростившись с бабушкой, Сюань-цзан отправился в столицу. Прибыв туда, он разыскал на Восточной улице императорского города дом сановника Иня и, обращаясь к привратнику, сказал:

— Я родственник вашего хозяина и хотел бы повидаться с ним.

— У меня нет родственников монахов, — ответил сановник, когда ему доложили о приходе гостя.

— Прошлой ночью я видела во сне нашу дочь Тань-цяо, — вмешалась в разговор его супруга, — может быть, этот монах принес письмо от зятя?

Тогда сановник велел пригласить монаха в парадный зал. Увидев сановника и его супругу, монах, рыдая, опустился на колени и, кланяясь, вынул из-за пазухи письмо и передал его сановнику. Когда сановник распечатал и прочитал письмо, то зарыдал от горя.

— Что случилось? — спросила его супруга.

— Жена, — промолвил сановник, — этот монах — наш внук. Нашего зятя — Чэнь Гуан-жуя убил

разбойник, который насильно взял нашу дочь себе в жены.

Услышав это, женщина стала горько плакать.

— Ну ладно, не отчаивайся, — успокаивал ее муж, — завтра на аудиенции я доложу императору обо всем и сам поведу войска, чтобы отомстить за смерть нашего зятя.

И действительно на следующий день сановник прибыл на аудиенцию к императору и обратился к нему с такой речью:

— Мой зять Чэнь Гуан-жуй занял на экзаменах первое место и, получив назначение на официальную должность, вместе с женой выехал в Цзянчжоу. По дороге он был убит перевозчиком Лю Хуном, который силой заставил мою дочь стать его женой. И вот теперь, выдавая себя за моего зятя, негодяй уже много лет занимает официальную должность. Это дело чрезвычайной важности, поэтому умоляю вас отправить войска и уничтожить разбойника.

Выслушав это, император пришел в ярость и тотчас же приказал отрядить в поход войска в шестьдесят тысяч человек под командой сановника Иня. Сановник Инь, получив приказ, покинул дворец и сразу же отправился на плац, где произвел смотр войску и, не мешкая, двинулся в поход на Цзянчжоу. Солдаты шли ускоренным маршем и в короткий срок достигли Цзянчжоу. Здесь, на северном берегу реки, сановник Инь разбил свой лагерь.

Он тут же отправил местных жителей к двум заместителям начальника округа Цзянчжоу с сообщением о случившемся и просил их прийти с войсками на помощь, вместе с ним перейти реку и двинуться вперед. Перед рассветом ямынь, где служил Лю Хун, был окружен. Лю Хун только что проснулся, когда услышал звуки стрельбы и барабанного боя. Не успел он предпринять что-нибудь, как очутился в руках вторгшихся в его дом воинов. Сановник велел связать разбойника и вместе с другими преступниками отвести на место казни, а своим солдатам приказал разбиться лагерем за городскими стенами.

Затем он прошел в главный зал управления округа и тотчас послал за своей дочерью. Сначала Вэнь-цяо хотела было выйти к отцу, но потом она ощутила стыд и решила покончить с собой. Как только Сюань-цзан узнал об этом, он поспешил к матери и, встав перед ней на колени, сказал:

— Я и мой дед прибыли сюда отомстить за моего отца. Преступник схвачен, зачем же ты вздумала покончить с собой? Разве смогу я пережить твою смерть?

Тут пришел сановник Инь и тоже начал успокаивать Вэнь-цяо.

— Я слышала, — сказала Вэнь-цяо, — что порядочная жена Должна сохранять верность своему мужу. Но мой несчастный супруг был убит этим разбойником. Я же подчинилась ему лишь потому, что была беременна, я превозмогла стыд, чтобы сохранить жизнь ребенку. К великой

радости сын мой вырос и стал взрослым. А мой почтенный отец привел сюда войска, чтобы отомстить за нанесенное нам оскорбление. Как же я теперь стану смотреть вам в глаза? Мне остается лишь умереть, чтобы искупить свою вину перед мужем!

— Это вовсе не твоя вина, дочь моя, — отвечал ей на это сановник. — Все произошло вопреки твоей воле. Чего ты стыдишься? Отец и дочь обняли друг друга и горько заплакали, рядом безудержно рыдал Сюань-цзан.

— Ну, вам теперь не о чем больше беспокоиться, — промолвил, вытирая слезы, сановник. — Преступник схвачен и остается только покончить с ним.

С этими словами сановник отправился к месту казни. Между тем по распоряжению помощника начальника округа Цзянчжоу были посланы люди для того, чтобы арестовать и привести второго злоумышленника — Ли Бяо. Когда его привезли, сановник обрадовался и приказал отвести обоих преступников под строгим конвоем к месту казни и каждого из них наказать ста ударами палок. Затем были составлены протоколы с подробным изложением показаний об обстоятельствах убийства Чэнь Гуан-жуя. После этого Ли Бяо пригвоздили к фигуре деревянного осла и отвезли на рыночную площадь, где и разрезали на мелкие части, а голову вывесили на шесте.

Лю Хуна же отвезли к реке Хунцзян, на то самое место, где он когда-то убил Чэнь Гуан-жуя. Сановник, его дочь и Сюань-цзан отправились туда же. Здесь они совершили жертвоприношение и, вырезав у Лю Хуна сердце и печень, принесли их в жертву Чэнь Гуан-жую. Одновременно была сожжена жертвенная бумага.

Обращенные к реке стенания трех человек привели в смятение водное царство. Дозорный Якша доложил о молении Царю драконов. Когда же Царь драконов узнал, по какому поводу совершено моление, он тотчас послал командира-черепаху за Чэнь Гуан-жуем и, когда тот прибыл, сказал ему:

— Примите мои поздравления, почтенный ученый! В этот момент ваша супруга, сын и тесть на берегу реки в память о вас совершают церемонию жертвоприношения. Сейчас я верну вам вашу душу. Кроме того, я подарю вам «жемчуг — амулет исполнения желаний», две жемчужины, обладая которыми вы сможете ездить, куда вам заблагорассудится, десять кусков шелка и пояс, отделанный жемчугом. Сегодня вы наконец можете встретиться со своей супругой и сыном.

Чэнь Гуан-жуй в знак благодарности трижды поклонился Царю драконов. А тот приказал Якше доставить тело Чэнь Гуан-жуя на прежнее место в реке и вернуть ему душу. Якша удалился выполнять распоряжение.

Между тем жена Чэня, оплакивая своего мужа, хотела броситься в реку, и Сюань-цзану стоило больших усилий удержать ее. И вот как раз в этот момент они вдруг увидели, как на поверхность реки всплыл труп человека и его прибило к берегу. Вэнь-цяо, подавшись вперед, присмотрелась к трупу, признала в нем своего покойного мужа и разразилась громкими

рыданиями. В это время каждый старался подойти поближе вперед и посмотреть, что делается. Вдруг все увидели, как Чэнь Гуан-жуй расправил руки и ноги и стал двигаться. Затем, к великому изумлению всех присутствующих, он взобрался на берег, сел и широко открыл глаза.

Подле него, рыдая, стояли его супруга, тесть и молодой монах.

— Как вы очутились здесь? — спросил он.

— После того как тебя убили, я родила сына, — начала рассказывать жена. — На наше счастье ребенка подобрал настоятель монастыря Цзинынаньсы и воспитал его. Затем сын нашел меня. Я отправила его к моему отцу, и наш сын обо всем ему рассказал. Отец доложил об этом деле императору, а император отрядил войска на поимку разбойника. Злодея схватили, и вот мы только что вынули у него сердце и печень и принесли их тебе в жертву. Нам и в голову не приходило, что ты оживешь и вернешься к нам.

— А произошло это потому, что когда-то я купил в гостинице Ваньхуадянь золотого карпа и выпустил его на волю, — сказал Чэнь Гуан-жуй. — Кто бы мог подумать, что этот карп окажется Царем драконов? Гнусный злодей бросил мой труп в реку, но Царь драконов спас меня и вот сейчас вернул мне душу, да еще преподнес дорогие подарки. Разве мог я подумать, что ты родишь сына и что мой дорогой тесть отомстит за меня? Вот уж поистине: когда зло достигает предела, приходит добро! Какое необыкновенное счастье!

Когда местные власти услышали об этой истории, они все поспешили прибыть, чтобы принести свои поздравления. А сановник Инь приказал устроить в честь прибывших торжественный пир и в тот же день отправился со своим войском в обратный путь. У гостиницы Ваньхуадянь сановник Инь приказал остановиться, а Чэнь Гуан-жуй с сыном пошли навестить старушку. А надо вам сказать, старушке в прошлую ночь приснилось, что расцвело засохшее дерево и за домом стрекочут сороки. «Никак внук мой приедет...» — подумала она.

И только она об этом подумала, как увидела, что к гостинице подошли ее сын и внук. Указывая на нее отцу, Сюань-цзан сказал:

— А вот и моя бабушка!

Чэнь Гуан-жуй поклонился матери до земли и, обнявшись, они расплакались. Затем они долго рассказывали друг другу о том, что с ними произошло за это время.

Расплатившись за гостиницу, все отправились в столицу. И вот в доме сановника Чэнь Гуан-жуй, его супруга, мать и сын от всего сердца приветствовали хозяйку дома. А та была вне себя от радости и тотчас же приказала слугам приготовить все к торжественному пиру в честь прибывших.

— Наше сегодняшнее торжество мы должны назвать «пиром встречи после разлуки», — предложил сановник Инь. Его предложение было принято с восторгом.

На следующий день во время аудиенции сановник Инь подошел к трону и подробно доложил императору обо всем, что произошло. Кроме того, он советовал, учитывая таланты Чэнь Гуан-жуя, назначить его на должность императорского академика. Император согласился и отдал приказ о назначении Чэнь Гуан-жуя.

Отныне Чэнь Гуан-жуй обязан был находиться при дворе и заниматься делами правления государства.

Сюань-цзана же, поскольку он твердо посвятил себя монашеской жизни, отправили в храм Хунфуся для дальнейшего самоусовершенствования.

Жена Чэня все же покончила с собой. А Сюань-цзан, перед тем как отправиться в храм Хунфуся, вернулся в монастырь Цзиньшаньсы и отблагодарил настоятеля Фа-мина за все его благодеяния.

Если вам, читатель, интересно узнать о том, что произошло дальше, прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286395>